

УДК 314:303.7

Ракачев Вадим Николаевич**ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ В 1930–1950-е гг.**

Статья посвящена периоду активного национально-государственного строительства в СССР, который пришелся на 1930–1950-е гг., и его влиянию на динамику этнической структуры и этноязыковые процессы в таких полиэтничных регионах, как Кубань и Ставрополье. В работе используются статистические архивные материалы, значительная часть из которых впервые введена в научный оборот.

Ключевые слова: этноязыковые процессы, этническая структура, народонаселение, Ставрополье, Кубань, родной язык.

Rakachev Vadim N.**STRUCTURE AND DYNAMICS OF ETHNIC ETHNO-LINGUISTIC PROCESSES IN THE KUBAN AND STAVROPOL TERRITORY IN THE 1930–1950-th**

This article focuses on the active period of nation-building in USSR 1930–1950 years. and its impact on the dynamics of ethnic and ethno-linguistic structure in processes such as multi-ethnic regions of Kuban and Stavropol. We use statistical archival materials, a significant portion of which was first introduced in the scientific revolution.

Key words: ethno-processus per accidens, ratione generis, hominum, Stavropol, Kuban, patria lingua.

Кубань и Ставрополье всегда традиционно являлись полиэтничными территориями, зоной активных межэтнических контактов. Этническая структура регионов при этом не была постоянной в силу исторических причин, особого географического положения, природно-климатических условий и, как следствие, постоянных массовых миграций, здесь формировались различные в этнокультурном плане общности. Их состав и численность не были устойчивыми и изменялись под воздействием многих факторов.

В 1930–1940-х гг. этническая структура населения Кубани и Ставрополья существенно трансформировалась в результате репрессий, этнических депортаций, массовых компенсаторных миграций. Однако не только репрессивные меры и миграции изменяли этническую структуру. Проходили масштабные ассимиляционные процессы, которые так же были детерминированы трансформацией сознания, под влиянием идей советского коммунистического общества.

Показателем этого влияния могут быть изменения в сфере языка, а точнее – родного языка, который в качестве отдельной характеристики учитывался в переписях населения. И хотя вопрос о родном языке стоял в программах всех отечественных переписей населения, в понятие «родной язык» вкладывалось различное содержание. При переписи 1926 г. родным языком признавался тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит, то есть родным считался разговорный язык опрашиваемого. В переписях 1939 г. и 1959 г. родным считался язык, который сам опрашиваемый считает своим родным. В том случае если возникало затруднение, опрашиваемому предлагалось в качестве родного языка указать язык, которым он лучше всего владеет или которым обычно пользуются в семье. В переписи 1959 г., как впрочем и в 1939 г., все эти три признака сочетались вместе. Причем, как поясняли инструкции, родной язык мог и не совпадать с национальностью переписываемого [1, с. 182]. В результате различного содержания понятия «родной язык», статистические совокупности, составленные по этому признаку, были не всегда адекватны, что затрудняет возможность сравнительного анализа.

Переписи населения фиксировали роль языка именно как консолидирующего психологического фактора, иначе говоря, понятие «родной язык» больше отражало не реальное языковое поведение, а именно представление о нем как о языке «своей» этнической общности, т. е. как об элементе этнического самосознания [2, с. 154]. Если рассматривать родной язык как неотъемлемый элемент этнического самосознания, то процессы изменения в языковой сфере, следовательно следует считать предпосылкой и своеобразным маркером изменения этнического самосознания и этнических процессов происходящих в данной этносоциальной (этнокультурной) общности. Суть этнических процессов может быть представлена в двух основных формах – этноэволюционной и этнотрансформационной [3, с. 14–16]. Причем в первом случае при всех объективных изменениях этноса не меняется его самосознание, во втором случае, изменения достаточно глубоки, что ведет к изменению этнической самоидентификации. По сути, эти процессы можно определить как этнообъединительные (этническая консолидация, этническая ассимиляция, межэтническая интеграция) и этноразъединительные (этническая парциация и сепарация) [3, с. 7–23; 91–92].

Содержание понятия родной язык в сочетании с признаком национальности помогает глубже анализировать процессы, происходящие внутри наций, народностей, этнических групп. Комплексное изучение национальности и родного языка на основе материалов переписей как раз и позволяет проследить процессы ассимиляции и консолидации [4, с. 80–81].

Если учитывать, что критерием национальной принадлежности и родного языка является самоопределение опрашиваемого, то нужно помнить о том, что оно подвергается изменению. Кроме того, в процессе ассимиляции и консолидации происходит и изменение критерия, на основании которого опрашиваемый относит себя к той или иной национальной группе. Изменяется и понятие родного языка. Такая подвижность критерия (субъективная и объективная) воздействует на объем статистических совокупностей и тогда бывает сложно объяснить изменения, которые происходят в численности населения по признаку национальности и родного языка. Для исследователя важно понять, в каком случае эти изменения являются следствием воспроизводства населения и миграции, а в каком – результатом ассимиляции и консолидации.

Процессы ассимиляции и консолидации зависят от многих социальных условий. В определенной мере на эти процессы оказывает влияние характер расселения. Там, где сохраняется или создается форма совместного территориального проживания близких или однородных национальных групп, усиливаются процессы консолидации, укрепляется родной язык и национальная письменность. Там, где население меньшее по численности одной национальности проживает среди населения другой национальности, большего по численности, усиливаются процессы ассимиляции, быстрее забывается родной язык. Это, в конечном счете, ведет к изменению самоопределения. Следовательно, процесс приобщения к нации, потери ее и приобретения есть процесс исторический, связанный в какой-то мере и с характером расселения [4, с. 81].

В 1920–1930-е гг., когда большинство народов оформились в этническом (национальном) отношении, признание теми или иными группами людей языка другой национальности своим родным языком обычно свидетельствовало об их языковой ассимиляции и в большинстве случаев о том, что их этническая трансформация развивается в направлении этнической ассимиляции. Следует отметить, что языковая ассимиляция является, как правило, необходимым условием и важным этапом этнической ассимиляции, она указывает направление этнической трансформации и в массовых проявлениях может характеризовать интенсивность этого процесса, однако сама по себе еще мало, что говорит о дальнейшем развитии этого процесса во времени [5, с. 207].

Известны случаи, когда группы людей, утратив свой прежний язык и восприняв язык другой национальности, в среде которой они живут, довольно быстро (иногда в следующем поколении) меняли и свою этническую принадлежность, изменяли самоидентификацию. Вместе с тем нередки и такие случаи, когда этнические группы, перейдя полностью на язык доминирующей в их окружении национальности, в течение многих поколений продолжали сохранять свою прежнюю этническую идентичность. Показательны в этом отношении евреи и цыгане. Некоторые народы, проживавшие в регионе, демонстрируют подобную стратегию. Это справедливо, например, в отношении поляков, белорусов, чехов, немцев и др.

Процесс перехода на язык другой национальности в рассматриваемый период происходил на территории региона у большинства народов. Вместе с тем среди некоторых народов выросла доля лиц, с родным языком своей национальности, что следует рассматривать как следствие, с одной стороны, миграций с этнических территорий, с другой, как результат политики коренизации, проводимой советской властью и в определенной степени стимулировавшей рост национального самосознания и процессы сохранения и воспроизводства в качестве родного языка своей национальности. Однако политика коренизации, развития и поддержки национальных культур и языков была временной уступкой, которая сменилась политикой, направленной на унификацию и ассимиляцию, на формирование сознания «советского человека».

Материалы переписи 1939 г. показывают, что на Кубани, например, доля белорусов с родным белорусским языком увеличилось с 12 % в 1926 г. до 33,6 % в 1939 г., у мордвы – соответственно с 43,5 до 62,9 % [6]. Это произошло в результате притока сюда новых групп представителей данных этносов с этнических территорий, не затронутых языковой ассимиляцией.

Процесс языковой ассимиляции так же зависит от таких факторов, как удаленность от основной этнической территории и степень дисперсности расселения. Это видно на примере мордвы. Доля лиц с родным мордовским языком составила в Краснодарском крае в городах 62,1%, в селах – 63,4 % [6], тогда как в Мордовской АССР – 83,2% и 98,8 %, а в Приморском крае – 35,3 % и 38,4 % [5, с. 244]. Среди других явлений, отраженных в материалах переписи 1939 г., обращает на себя внимание резкое снижение на Кубани и Ставрополье доли евреев, показавших своим родным языком еврейский (в основном – идиш), – с 40,5 до 20 %, поляков с родным польским – с 39,8 до 13,9 %, чехов – с 80,5 до 69 % [6]. Напротив, многие народы, особенно те, что преимущественно проживали компактно в сельской местности, сохраняли в своей среде достаточно высокий процент лиц с родным национальным языком. Это армяне (72,2% лиц с родным языком своей национальности в городах и 92,5 % на селе), греки (78,8 и 80,1 %), немцы (61,8 и 91,8 %), молдаване (41,5 и 71,6 %) [7].

В большей степени языковой ассимиляции оказались подвержены мужчины в силу свойственной им более высокой мобильности, специфики профессиональной деятельности и более высокой частоты социальных контактов. Однако на Кубани, например, у представителей таких народов, как белорусы, грузины, евреи и поляки, доля мужчин с родным языком своей национальности и в городе, и на селе была выше.

Как видим, мужчины практически у всех народов на Кубани сильнее подвержены языковой ассимиляции. Некоторым исключением являются армяне и евреи. Но и в этих случаях разница между мужчинами и женщинами в уровне владения родным языком своей национальности невелика. На Ставрополье эти показатели в целом идентичны, можно отметить и некоторые особенности. Так в частности доля лиц с родным языком своей национальности у украинцев несколько выше у мужчин, чем у женщин. Такую же ситуацию можно наблюдать и у татар. У евреев, проживавших на Ставрополье, напротив, языковая ассимиляция сильнее выражена у мужчин, чем у женщин [8].

Также можно отметить, что на Ставрополье, по сравнению с Кубанью, половые различия в сфере языковой ассимиляции менее выражены. Вероятно, это связано с тем, что Ставрополье в целом отличалось более низким уровнем урбанизации (на 1939 г. доля городского населения на Кубани составляла почти четверть – 24,8 %, на Ставрополье – 21,6 %). За исключением таких народов, как армяне и украинцы, которые на Ставрополье были более урбанизированы, чем на Кубани, у прочих народов уровень урбанизации был на порядок ниже. Очень малая доля горожан – жителей Ставрополья – была представителями коренного населения: адыгейцев и черкесов, карачаевцев, абазин, ногайцев. Несколько выше у кабардинцев и осетин. Таким образом, урбанизация выступает важным фактором, влияющим на этническую структуру. Город, как правило, является полиэтничным социумом, что неизбежно ставит вопрос о языке межнационального общения и достаточно сильно влияет на процессы языковой ассимиляции, а в последствие и на трансформацию этнического самосознания городских жителей. В результате число лиц, владеющих родным языком своей национальности в городе, как правило, ниже, чем в селе. В то же время языковая ассимиляция имеет свои особенности у различных народов, и сам факт

проживания в городской среде не всегда является достаточным для перехода в качестве родного языка с языка своей национальности на язык этнического большинства или язык межнационального общения. Поэтому у одних народов, например, у русских, адыгейцев, мордвы, эти показатели практически не отличаются. У других разрыв между долей владеющих родным языком в городе и селе оказывается более значительным [8].

Сравнивая показатели владения родным языком своей национальности у различных этносов в обоих регионах в зависимости от типов поселений, можно обратить внимание на ряд особенностей. Разница более чем в 10 % во владении родным языком среди горожан и селян обнаруживается на Кубани по данным переписи 1939 г. у представителей таких этнических групп, как чехи (в селе доля указавших в качестве родного языка своей национальности на 33,3 % больше, чем в городе), немцы (30,1 %), армяне (20,3 %), грузины (19 %), татары (16,2 %), белорусы (15,7 %). На Ставрополье значительный разрыв в уровне владения родным языком проявляется у немцев (30,4 %), евреев (26,1 %), а также у украинцев (12,2 %), адыгейцев (11,1 %), армян (11,0 %) [8].

Таким образом, в большей степени процессы языковой ассимиляции на селе в Краснодарском крае охватили украинцев, немцев, евреев. На Ставрополье более ассимилированными в языковом отношении в сельской местности были армяне, греки, татары. Примерно в равной степени языковая ассимиляция в обоих регионах в сельской местности затронула адыгское население.

Ситуация среди горожан отличалась в регионах. Так более затронуты языковой ассимиляцией в городе на Кубани были украинцы, армяне, немцы, татары, евреи. На Ставрополье – адыги (черкесы) и греки. Таким образом, полиэтничное население кубанских городов, было более ассимилировано по сравнению со Ставропольем.

Этнические процессы протекают совершенно по-разному в зависимости от бесчисленных местных обстоятельств и условий. По мнению В. В. Покшишевского, чаще всего основой для таких изменений могут стать этногеографические факторы [9, с. 184–185]. А именно, этнические ситуации и ход этнических процессов могут испытывать существенное влияние различных форм расселения. Как общее правило, условия городской жизни с высокой ролью занятости в промышленности, торговле, на транспорте и т.п. способствуют стягиванию в города представителей разных этнических общностей, вне городов живущих разобщено, в пределах своего этнического ареала [9, с. 189]. Ситуация, при которой среди городских жителей доля людей, для которых родным стал язык не их национальности, намного выше, чем среди сельского населения весьма типична и, кроме того, является следствием того, что в городах более частыми являются межэтнические браки [9, с. 189–191].

В послевоенный период на языковую ситуацию и характер этнических процессов в регионе оказали влияние усилившиеся миграции представителей отдельных народов, в том числе и вследствие реабилитационных процессов. Приток новых групп некоторых народов увеличил среди них долю лиц с родным языком своей национальности. Продолжали набирать силу процессы ассимиляции. В большей степени они затронули представителей таких народов, как греки и немцы, среди которых доля лиц с родным языком своей национальности за 20-летний период сократилась почти вдвое. Продолжился этот процесс в среде украинского населения Кубани и Ставрополья. Также заметно сократилась доля таких лиц у татар, мордвы, молдаван. Среди белорусов этот показатель практически не изменился [10]. Некоторые народы между тем сохранили высокий процент лиц с родным языком своей национальности. Это адыгейцы, армяне, грузины. Но и эти народы неизбежно подвергались ассимиляционным процессам, хотя и в меньшей степени. Так у адыгейцев доля лиц с родным языком своей национальности в сравнении с 1939 г. сократилась на 5,6 %, у армян на 6,7 %, грузин на 7,9 % [7]. Около 90 % евреев Кубани и Ставрополья во второй половине XX в. перешли преимущественно на русский язык. Значительная языковая ассимиляция наблюдалась у поляков, большая часть которых перешла на русский язык. У других народов доля лиц с родным языком своей национальности составляла примерно 40–60 % [11].

Мужчины у многих народов в регионе в рассматриваемый период были сильнее подвержены языковой ассимиляции, чем женщины. В городах только у грузин, молдаван, евреев, поляков, болгар, эстонцев доля мужчин, показавших родным языком язык своей национальности, была немногим выше, чем женщин, у остальных народов – ниже.

Сохраняются поселенческие различия в степени языковой ассимиляции. Общая закономерность проявляется в том, что родной язык наиболее стойко сохраняется в пределах этнической территории расселения народа, когда представители коренной национальности живут не в смешении или в слабом смешении с инонациональными группами, образуя крупные однородные в этноязыковом отношении ареалы. Это подтверждается на примере коренных этносов региона – черкесов, карачаевцев, абазин, адыгейцев, у которых доля лиц с родным языком своей национальности составляла около 90 %. По мере удаления от этой территории обычно возрастает степень рассредоточенности этноса (этнической дисперсности), а вместе с ней и степень развития процессов языковой (и этнической) ассимиляции [5, с. 213–214].

В этом отношении можно выделить несколько групп народов расселенных на территории края по степени их удаленности от этнических территорий. К первой (западной), можно отнести поляков, чехов, белорусов, греков как достаточно удаленных от материнских этносов, которые показывают невысокий процент лиц с родным национальным языком. Для второй (южной) – армяне, грузины, адыгейцы, азербайджанцы, татары крымские, народы Северного Кавказа, наоборот, характерен достаточно высокий процент указанных лиц.

Таким образом, анализ динамики такого показателя как «родной язык» позволяет охарактеризовать процессы происходившие внутри региональной этнокультурной системы на протяжении исследуемого периода.

Материалы переписей позволяют утверждать, что родной язык выступает важным маркером этнического самоопределения и со временем подвергается изменению. Изменяются критерии, согласно которым опрашиваемый относит себя к той или иной национальной группе и само понятие родного языка. Эти изменения зависят от многих социальных условий и характеристик: социально-политических процессов, пола, характера расселения, степени удаленности от этнической территории, моно- или поликультурной и языковой среды и т.д. Учитывая действие этих факторов, можно отметить, что устойчивой тенденцией в развитии этноязыковых процессов в регионе в рассматриваемый период были процессы языковой ассимиляции, которые в разной степени затронули все народы и этнические группы.

Литература

1. Гозулов А. И. Морфология населения. Ростов н/Д, 1929.
2. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1998; Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М., 1994.
3. Бромлей Ю. Очерки теории этноса. М., 1983.
4. Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Народонаселение СССР. М., 1969.
5. Козлов В.И. Национальности СССР (Этнодемографический обзор). М., 1975.